

Глава 6. Белый боров, на которого цыкают

Та «ци», которую я вижу, — энергия, представляющаяся мне истинной сущностью человека, — у слуг низшего звена, чьи цвета оказались чистыми (хотя некоторые из них, признаться, питают ко мне, своему хозяину, жажду убийства), некогда были бывшими работниками графского дома Оллпорт.

Более того — это были слуги высшего ранга.

Бенджамин, который, будучи дворецким, умело справлялся со всем: от помощи в управлении поместьем до роли казначея и советника по личным делам хозяина. Его преемник, приёмный сын Норман, — дворецкий. Лайла, которая, будучи старшей горничной, вела всё домашнее хозяйство, обучала горничных и служила матерью для юных слуг, поддерживая графский дом. Мари и Мэй — дочери барона и рыцаря соответственно, — служившие личными горничными единственной дочери графа, важной наследницы, чей статус никак не предполагал чёрной работы.

Кстати, сын Бенджамина, Дин, который сейчас за дверью следит за остальной прислугой, судя по всему, сумел ловко втереться в доверие к тому мрачному и коварному дворецкому и избежал участи быть низведённым до чёрной работы.

Вообще-то такая кадровая ситуация просто немыслима... но из-за того, что в графском доме не было хозяйки, управляющей бытом, и из-за того, что я, граф, был полным ничтожеством, всё пришло к столь плачевному итогу.

Слуги, которых привела с собой та вульгарная мамаша, силой выгнали всех остальных работников, и Бенджамину с товарищами пришлось, скрепя сердце, заниматься чёрной работой, защищая Шарлотту — единственное дитя законной крови графского дома.

То есть... причина во мне?

— Э-это, ну, я же не знал... то есть нет, я не помню этого, но простите меня.

Я хотел поклониться, опустив голову, но она, наверное, просто утонула в складках жира на шее и почти не шелохнулась. Для меня самого, кстати, в такой позе дышать тяжело — дыхательные пути-то пережимаются.

— Впрочем, то, что с сознанием господина произошла столь забавная метаморфоза, возможно, было подарком судьбы.

«Забавная» метаморфоза... Для меня-то это серьёзное дело, вообще-то.

— И что же нам делать? Есть ли какой-то план, как выставить вон вульгарную мамашу,

фальшивого... кхм-кхм, того приёмного сынка и их прислугу? А заодно — расторжение помолвки того ухмыляющегося типа и Шарлотты.

Может, это и звучит как полное перекалывание ответственности на других, но раз уж я не знаю не только местных реалий, но даже и самого себя толком, то пусть уж бывший дворецкий Бенджамин возьмёт всё на себя!

— ...В любом случае, давайте сделаем так, чтобы никто не узнал, что мы с господином поддерживаем контакты.

— Понял. Но пока мы не довершим дело, отсутствие средств связи будет проблемой.

Я бы хотел ещё посоветоваться насчёт операции «Выдворение и расторжение помолвки», но для того, чтобы я, угодивший в тело Белого Борова-графа, не прокололся, мне отчаянно нужен кто-то для прикрытия.

— Обычно рядом с вами будет находиться Дин. Господин, прошу вас, принимайте пищу отныне либо в своих покоях, либо здесь, в кабинете.

— Стой, а разве уход за мной и всё такое — не обязанности того мрачного дворецкого?

Он так важничал, а он вообще работает?

— Мрачный дворецкий... Этого субъекта зовут Коди. Он в основном усердствует в тёмных делишках вместе с госпожой.

— А-а.

Может, они в таких отношениях? И, возможно, отец того лже-сынка с поддельной грудью — как раз этот самый Коди? На мой молчаливый вопрос Бенджамин с горечью кивнул.

— В остальном о вас позаботятся эти горничные — Мари и Мэй. Пожалуйста, передавайте через них поручения или записки для меня.

После слов Бенджамина обе горничные почтительно склонили головы, но перед этим они ведь цыкнули «чёрт», да?

— Но не раскроется ли всё, если они будут контактировать со мной, когда поблизости снуют другие слуги? У меня ведь есть личная горничная или лакей, так?

— ...Господин сам отдалял от себя людей, поэтому личных слуг у вас нет. И утренние сборы, и

купание вы производили в полном одиночестве.

— ...

Это ведь не потому, что меня сторонятся из-за того, что я жирный, правда? Нет-нет, я же взрослый мужик родом из Японии, так что мыться в одиночестве — самое то, но всё же.

— ...Понял. Но я хотел бы полностью изменить и свой образ жизни. С этим тоже лучше подождать, пока мы их не выставим?

На мой вопрос Бенджамин сурово кивнул.

М-да... Хотелось бы сесть на диету, но ничего не поделаешь.

После ужина я под руководством Бенджамина написал письмо и передал ему. Если это письмо благополучно дойдёт и я получу поддержку — тогда начнётся генеральная уборка дома Оллпортов!

Распрощавшись с Бенджамином и остальными, я в сопровождении Дина вернулся в свои покои. А всё потому, что я понятия не имел, где находится моя комната!

— Кстати, Дин.

— Что такое?

Дин, сын Бенджамина, в отличие от остальных, носил стандартную ливрею, как и положено слуге, и зачёсывал волосы назад. Однако от него исходило какое-то ощущение легкомысленности, и трудно было понять, что у этого парня на уме.

— Что за отношения связывают меня и адресата того письма, что я написал, — род Хардингов?

— ...!

О, о, ты тоже цыкнул? Только что цыкнул, да? Я, вообще-то, твой хозяин!

— Род Хардингов — это маркизы, их земли по соседству. И к тому же... это ваш родной дом, господин.

— Хм-м.

Соседние земли принадлежат роду маркизов — это рангом выше, чем графский. И это мой родной дом.

Родной дом?

— А? Мой родной дом? То есть письмо, что я написал, было адресовано моим родным?

Хотя, при всём при том, оно было написано в тоне предельно отстранённом и официальном — пусть и старомодным языком, но самое настоящее деловое письмо, какие привычно составляешь по работе!

Дин резко остановился перед массивной дверью и подтолкнул меня к ней.

— Эй, ты чего?

— Здесь ваша комната, господин. А теперь — спокойной ночи.

Дин, лучезарно улыбнувшись, открыл дверь и бесцеремонно втокнул меня в комнату.

— Уа-а!

С такой тушей невозможно удержать равновесие. Я споткнулся, кое-как сумел выпрямиться, но дверь в комнату уже закрыли.

<http://bllate.org/book/17979/1727977>